

МИКА МИСФОР ИГРАЙ!

ОНИ НЕ ДРУЗЬЯ. ОНИ ДАЖЕ НЕ ЗНАКОМЫЕ.
ВСЕ, ЧТО ИХ СВЯЗЫВАЕТ, —
ЭТО СЛУЧАЙНОСТИ.

18+

Хиты молодежной прозы

Мика Мисфор

Играй!

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мисфор М.

Играй! / М. Мисфор — «Издательство АСТ», 2022 — (Хиты
молодежной прозы)

ISBN 978-5-17-149212-0

Теодор не сталкивался в жизни с тяжелыми проблемами, не терзался душевными муками, не был на месте тех, кого сам же изо дня в день смешивает с грязью. И ему абсолютно плевать на наказания, назначаемые директором школы, пока его не заставляют выйти на сцену вместе с неудачниками из театрального кружка. Вот только единственное, о чем он может думать, – это то, что ему придется провести бок о бок с Кристофером Андерсоном ближайший месяц. С тем самым Кристофером, которого он усиленно избегал целый год. И который пусть и ненамеренно, но все же нашел способ до него добраться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149212-0

© Мисфор М., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Плейлист	6
1	7
2	13
3	22
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мика Мисфор Играй!

© Мисфор М., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Плейлист

Arctic Monkeys – Mardy Bum
Melanie Martinez – Alphabet Boy
Harry Styles – Sunflower, Vol. 6
5 Seconds of Summer – Monster Among Men
V–Christmas Tree
Tessa Violet – Crush
Cigarettes After Sex – Apocalypse
Halsey – I HATE EVERYBODY
Rex Orange Country – Sunflower
Taylor Swift feat. Ed Sheeran – Everything Has Changed
Bella Thorne – Walk With Me
MARINA – About Love

1

В тишине кабинета, настолько напряженной, что ее можно было резать ножом, раздался трогательный шмыг носом. Мужчина, сидящий в кресле за письменным столом, только сильнее нахмурился. Паренек, стоящий напротив, не решался встретить его взгляд и выглядел настолько виноватым, что даже его светлые кудряшки, которые обычно торчали во все стороны, печально поникли.

– Простите, мистер Уилсон, – опустив голову, промямлил Марк. Его голос был полон искреннего сожаления, и даже человек в сто раз более черствый, чем мистер Уилсон, не смог бы не посочувствовать ребенку. Но в то же время он страшно злился. Наверное, даже не на самого Марка, а на ситуацию... в целом. На то, какой глупой, безнадежной и безнадежно глупой она была.

Он запустил пальцы в волосы, портя идеальную укладку, и с отчаянием посмотрел на стусевавшегося ученика, прискакавшего в его кабинет на костылях и едва не ставшего причиной его сердечного приступа. Это ощущение, как будто его столкнули с обрыва, мистер Уилсон вряд ли когда-нибудь забудет.

Чем дольше он смотрел на Марка, тем меньше в нем оставалось разумной сдержанности.

– За месяц до премьеры... – обессиленно выдавил из себя мистер Уилсон, уставившись в пустоту, и в его взгляде появилось что-то безумное – так, наверное, выглядят гениальные ученые, когда их опыты дают не те результаты, которых они ожидают. – Главный герой, Марк! Ты – главный герой!

Марк наконец собрался с силами и поднял на учителя круглые небесно-голубые глаза, блестящие от готовых пролиться слез. От чувства вины у него сжалось горло. Ну кто же знал, что не стоило поддаваться уговорам Дэнни, который имел наглость называться его лучшим другом, и прыгать с качелей! Это все было из-за него!

«Да брось, даже у Джейсона это получилось, а он ведь стоя на одном месте может упасть».

Вот Марк и сиганул с качелей на полном ходу, не желая показаться слабаком. А когда понял, что дело плохо, испугался не столько боли, сколько реакции мистера Уилсона – вполне понятно почему.

– Я все еще могу исполнить какую-нибудь роль... – неуверенно предложил он, и его голос дрогнул в конце.

– Ну с такой ногой разве что роль дерева, – с горечью глядя на его загипсованную ступню, пробормотал мистер Уилсон.

Марк снова опустил голову, теперь еще ниже, и кончики его ушей, торчащие из-под шапки кудрявых волос, окрасились в насыщенный алый.

Мистер Уилсон не был жестоким, напротив, он был одним из самых понимающих и спокойных учителей в школе, но в этот момент ему страшно хотелось треснуть увесистой папкой прямо по этой виноватой макушке. Они так долго искали актера на главную мужскую роль, и Марк подходил идеально, а тут такое! За *месяц* до премьеры! Когда на кон поставлена честь Джона Уилсона!

Мужчина обессиленно откинулся на спинку кресла, прикрыв лицо рукой.

– Мистер Уилсон, – жалобно протянул Марк, от стыда не знающий, куда себя деть.

– Уйди с глаз моих, – уныло пробурчал он. – И завтра чтобы как штык на репетиции. Будешь играть дерево.

Все равно других актеров для массовки у них нет.

Приободренный Марк глубоко поклонился в знак сожаления, сшибая со стола мистера Уилсона стаканчик с карандашами. Тут же торопливо потянулся его поднять и уронил костыль,

который упал прямо на горшочек с искусственными цветами, благо тот был пластмассовым и не разбился.

Марк, чуть не плача, принялся снова извиняться, и мистер Уилсон, вскочив и быстро обогнув стол, подал ему костыль и подтолкнул к выходу, чтобы он, не дай бог, не разнес его кабинет в искреннем порыве искупить вину.

– Иди, иди, не раздражай меня лишний раз!

Марк упрыгал за дверь, к счастью, не принося больше никаких разрушений. Но, судя по грохоту, раздававшемуся снаружи через пару секунд после того, как он скрылся из виду, его удача продлилась недолго.

Джонатан Уилсон вернулся в свое кресло, потирая виски кончиками пальцев. Это была катастрофа. Настоящая катастрофа. Директор со скрипом согласился на эту постановку, выделил настолько мало финансов, что ему приходится добавлять из своего кармана. Их школа с уклоном в точные науки – «О какой музыкальной постановке может идти речь!».

Но мистер Уилсон знал, что ребята из театрального кружка, которых было всего восемь, искренне загорелись этой идеей, и для некоторых из них это был последний год, поэтому он твердо решил отстоять их право выступить на главной школьной сцене хотя бы раз. Это значило, что на премьеру действительно собрался бы полный зал, и ребята смогли бы показать себя не только перед мистером Уилсоном и его мамой, которую он иногда приглашал.

До этого они вечно получали отказы: их планы сбивали то конференции, то математические конкурсы, то еще какая-то ерунда, из-за которой мистер Уилсон спрашивал себя, зачем он вообще устроился учителем музыки в школу с техническим профилем.

Он любил детей из театрального кружка всем сердцем, они долгое время были вместе и крепко привязались друг к другу, но была одна проблема – петь из них умели только двое.

Один из них был вовсе не один, а одна, и на мужскую роль, может, и сгодились бы, если бы им не нужна была еще и женская, поэтому она сразу была утверждена на нее. А второй – Кристофер Андерсон – наотрез отказывался играть главного героя, как бы они его ни уговаривали.

Марк пришел к ним после того, как они развесили по всей школе объявления о пробах на роль основного мужского персонажа. Как оказалось позже, желание его было отнюдь не добровольным; просто его дружок Дэнни снова взял его на слабо.

Впрочем, они все равно утвердили его в тот же момент, как он начал петь; во-первых, потому что у Марка был хороший голос, а во-вторых, потому что никто больше не пришел и выбирать было не из кого.

Они готовились с сентября, и премьера была назначена на январь – за день до Зимнего бала. И вот сейчас, в начале декабря, Марк посмел заявиться к нему в кабинет со сломанной ногой, потому что его, видите ли, в очередной раз взяли на слабо!

Мистер Уилсон драматично схватился за голову.

Что же ему делать? Где найти кого-то, хоть отдаленно умеющего петь и играть, кого-то, готового за месяц выучить весь сценарий и отработать его? Ведь ученики все-таки заняты учебой, а работы потенциальному актеру предстоит немало, так кто может согласиться на такое?

Мистер Уилсон уже и сам был бы готов выйти на эту многострадальную сцену, вот только его по голове не поглядят, когда он будет целоваться с ученицей, даже если это нужно по сценарию.

Он долго сидел в кабинете, раздумывая над возможными выходами из ситуации.

Кристофера уговаривать было бессмысленно, парень был слишком упертым, в этом мистер Уилсон за годы работы с ним убедился сполна. Может, стоило уговорить его петь за кулисами, пока кто-нибудь на сцене просто открывал бы рот...

Но мистер Уилсон уже распределил роли среди ребят, если устраивать рокировку, то все могло получиться куда хуже. К тому же он не был уверен, что хоть кто-то будет рад получить

главную роль теперь, учитывая, сколько работы они вложили, чтобы вжиться в своих персонажей, и сколько работы потребуется, чтобы делать это заново.

От невеселых мыслей гудела голова.

Просидев бесцельно еще полчаса, мистер Уилсон, наконец, поднялся. Утро вечера мудренее, да? Может быть, утром в их школу переведется какой-нибудь неограниченный алмаз, будущий Сэм Смит, который войдет в их репетиционную и осветит сиянием жалкую жизнь Джона Уилсона...

Или, может, попробовать более нереальный вариант и снова попытаться поговорить с Кристофером? Может, он сжалится? Верится с трудом, но попытка не пытка. Тем более, положение дел действительно отчаянное, а серьезные времена требуют серьезных мер.

Он вышел в уже опустевший коридор, закрывая дверь кабинета на ключ, и понуро поплелся к выходу. Все его волнующее ожидание премьеры превратилось в непосильный груз, давящий на плечи. Как он должен сообщить об этом ребятам? Они были так воодушевлены подготовкой к первой в жизни постановке, так где найти силы их разочаровать?

Эхо его шагов гулко отдавалось в тишине. Было что-то волнующее и немного пугающее в школе, из которой ушли ученики, навевало печальные, тоскливые мысли...

Мистер Уилсон наткнулся взглядом на объявление об их музыкальной постановке, разрисованное и исписанное неприличными словами, и его настроение упало еще ниже. Важная оговорка, по которой поиски исполнителя главной роли значительно усложнились: в театральном кружке собрались не особо популярные ученики. Ладно, мистер Уилсон просто тактично смягчил; в кружке были одни неудачники, которых вечно шпыняли и которые только под его крылом чувствовали себя спокойно и раскованно. Возможно, Марк сломал ногу специально...

Да нет, такого не могло быть. Быть участником единственного творческого кружка в школе точных наук, конечно, непростая доля, но не настолько же! Да и Марк вроде быстро освоился в их компании и искренне наслаждался репетициями.

Вот это было еще одной причиной, по которой он так боролся за постановку, – возможно, это помогло бы ученикам немного раскрыться, показать, на что они способны. И теперь все так глупо срывалось из-за дурости Марка и его неизменного компаньона Дэнни.

Когда мистер Уилсон окончательно приуныл, до него вдруг донесся голос. И не просто голос, а *поющий* голос. И не просто поющий голос, а *очень хорошо* поющий голос.

Неограниченный алмаз! Будущий Сэм Смит!

Мистер Уилсон замер как хищник, почуявший добычу.

Голос был низкий, густой, будто бархатный; мистер Уилсон уже видел обладателя этого голоса исполняющим главную роль на сцене, уже слышал аплодисменты, раздающиеся после его выступления, уже был ослеплен сиянием софитов и свалившейся на их кружок славы – вот насколько этот голос был хорош!

Он пошел на звук, словно дрессированная ищейка, по стенке подбираясь к дверям мужской раздевалки, к которой вел чуткий слух.

Мистер Уилсон прислушался, и его унесло на волнах чужого пения в светлое будущее, в котором ему удалось уговорить загадочного незнакомца поучаствовать в их постановке, после оглушительного успеха которой директор признаёт значимость кружка, а его ребят перестают задирали одноклассники.

Но пение вдруг оборвалось, и спустя пару минут к двери с той стороны приблизились шаги. Мистер Уилсон, почувствовав себя героем крупнобюджетного детектива, рванул за угол, притаившись, чтобы раскрыть личность талантливого незнакомца.

И последняя надежда умерла под звук его разбившегося сердца (мистер Уилсон всегда был немного драматичным), когда из раздевалки вышел не кто иной, как Теодор Хейз – капитан их волейбольной команды.

У мужчины даже не было сил удивиться тому, что этот парень умеет петь, настолько разочарован он был.

Мистер Уилсон лично видел его с фломастером, пока тот пририсовывал рожки лицам актеров на их мини-афишах. Он помнил, как Теодор задирал его ребят, заставляя их спеть пару строчек на камеру, чтобы «прославиться в интернете». Или как прокрадывался со своими друзьями на репетиции и срывал их нескончаемыми издевательскими комментариями и гоготом.

Честно говоря, если бы из этой двери вышел директор, его бы было проще уговорить попробовать на главную роль, чем Теодора Хейза.

Честно говоря, Теодора Хейза и уговаривать-то не хотелось.

Мистер Уилсон старался относиться ко всем ученикам с одинаковой доброжелательностью, да и в целом был терпеливым и сдержанным человеком, но этот избалованный высокомерный мальчишка, накормивший свое эго до отвала родительскими деньгами и школьной популярностью, даже в нем не вызывал ничего, кроме глухого раздражения.

Но его голос...

Мистер Уилсон встряхнул головой, отгоняя эти мысли. Проще снова начать доставать Кристофера, чем подступиться к Теодору Хейзу.

Проглотив колючий комок сожаления, он вышел из дверей школы, чтобы полноценно предаться своей печали с банкой мороженого и очередной серией «Друзей» на фоне.

Тем временем задержавшийся в коридоре Теодор с мстительным рвением, высунув язык от усердия, пририсовывал бороду Кристоферу, изображенному на одной из мини-афиш. А потом, разозлившись непонятно на что, просто сорвал афишу, по пути выкинув ее в урну.

* * *

– В этот раз тебя не спасут даже родители! – надрывался мистер Джонс, брызжа слюной на Теодора, развалившегося в кресле и с легкой ухмылкой смотрящего на директора. Тот навис над ним, усиленно краснея и срывая голосовые связки, но ученику, казалось, не было до этого дела – он выглядел так, словно по меньшей мере находился на курорте. Его забавлял вид вышедшего из себя Гарри Джонса, молодого опрятного мужчины, который обычно являл собой образец спокойствия. – Устроить ночью в школе вечеринку! Да ты будешь отчислен!

Запнувшись об эти слова и насмешливо вскинутые брови Теодора, мистер Джонс поправился:

– Я назначу тебе самое суровое наказание!

Теодор фыркнул и закатил глаза. Одно наказание, два, хоть десять – пока его родители спонсируют эту школу, он неприкосновенен.

Внезапно раздался стук в дверь, прервавший бесконечную тираду директора, которую Теодор все равно пропускал мимо ушей, и они оба отвлеклись.

– Кто там? – прорычал мистер Джонс, забыв сменить тон, и лицо учителя музыки, заглянувшего внутрь, приняло крайне сконфуженное выражение.

– Прошу прощения... – растерянно пробормотал он.

– Проходите, – позволил мистер Джонс, решая, что ему все равно нужно отвлечься, пока он не выплюнул легкие в попытке вбить в Теодора невбиваемое. – Что случилось?

– Могу я поговорить с вами наедине? – попросил мистер Уилсон, бросив красноречивый взгляд на Теодора, с неприличным любопытством смотрящего то на одного, то на другого.

– Пшел вон! – шикнул мистер Джонс на ученика, приглаживая растрепавшиеся в порыве праведного гнева волосы.

– Не разговаривайте со мной так, – возмутился Теодор, но все же поспешно ретировался, решая не испытывать судьбу и не желая проверять, как долго кодекс «не бить учеников» способен сдерживать директора.

– Сил никаких нет, – пожаловался мистер Джонс мистеру Уилсону. – Ему хоть в лоб, хоть по лбу. Устроил в школе вечеринку! Ночью! И ведь не отчислить, его отец вложил в школу больше денег, чем мэрия. И ремонт летний обещал проспонсировать... Ну вот какое наказание ему назначить? Он вечно заставляет кого-то работать за себя, а потом с честными глазами утверждает, что работал сам... – Он спохватился, вспомнив, что учитель пришел по своему вопросу и явно не планировал выслушивать жалобы директора. – Так что там у вас?

Обеспокоенное выражение лица мистера Уилсона сменилось на хитрое. Он расплылся в лукавой улыбочке, делающей его похожим на шкодливого ученика, подобрался ближе к ослабленному выходками Теодора директору.

– Мистер Джонс, я знаю, какое наказание вы можете назначить Теодору, – многообещающе начал он, – и будьте уверены, он точно не сможет его избежать.

Гарри Джонс, который уже потерял всякую надежду справиться с бесчинствами Теодора, заинтересованно вскинул брови, и приободренный такой реакцией мистер Уилсон изложил ему свою идею.

Директор воспринял ее с удивительным энтузиазмом и, как только учитель закончил, пригласил Теодора обратно в кабинет.

Теодор развалился на стуле, но в этот раз у Гарри Джонса не задергался глаз от одного его самодовольного вида. Он медленно сел в свое кресло. Сложил ладони на столе. И озвучил наказание, которое его ожидало, с мрачным удовлетворением наблюдая за тем, как с лица Теодора сползала улыбка.

– Нет! – повысил голос он, вскакивая хлопая ладонями по столу, что не лезло ни в какие этические рамки, но ему было абсолютно все равно. – Я не стану этого делать! Да я лучше сдохну!

Но теперь мистер Джонс был обезоруживающе спокоен. Они словно поменялись местами: Теодор раскраснелся от бурлящего внутри гнева, а директор только усмехался в ответ на все его выпады, наслаждаясь безоговорочной победой.

Стоящий позади директорского кресла мистер Уилсон переводил встревоженный взгляд с одного на другого, уже жалея о том, что предложил это все директору. Идея возникла у него спонтанно, когда мистер Джонс обмолвился о наказании. Вообще-то, изначально он пришел, чтобы сказать, что отказывается от постановки, потому что все утро потратил впустую, уговаривая Кристофера. То, что тут оказался Теодор, то, что он провинился и ему требовалось наказание, – было чистой случайностью. Очень удачной для мистера Уилсона случайностью. Однако теперь, видя, как это загнало Теодора в тупик, он снова начал в своей удаче сомневаться.

Если ученик *настолько* против, есть ли вообще смысл его заставлять? Это же, в конце концов, творчество, а не мытье полов, где и без особого желания справиться можно. Но директор, кажется, был настолько вдохновлен мыслью о том, что наконец-то сможет его наказать, что отступить был не намерен.

Теодор продолжал возмущаться, потом начал кричать, потом принялся умолять помянуть наказание и только когда не получил абсолютно никакой реакции от директора, сдался и обессиленно замолк.

– Закончил? – на всякий случай уточнил мистер Джонс, непоколебимо выстоявший все крики и мольбы, подался вперед, упираясь подбородком в переплетенные пальцы, и добродушно улыбнулся. – Тогда повторим еще раз: ты берешь главную роль в постановке мистера Уилсона, усердно готовишься к ней, выступаешь через месяц на сцене, и я забываю все, что ты натворил за этот год. А если ты откажешься, я сообщу в нужные инстанции о том, что ты вло-

мился ночью в школу. Тебе, конечно, ничего не будет, но вот у твоих родителей седых волос на голове прибавится. Как думаешь, что сделает твой отец, когда узнает об этом? Закроет глаза?

Теодор весь сдулся, не находя больше аргументов для сопротивления. Звонку от директора отец бы не придал значения, но вот звонок от полиции проигнорировать не сможет; он далеко не последний человек в городе, и такие сложности его явно не обрадуют. Да, конечно, Теодора отмажут – всегда отмазывали. Но легко он не отделается.

– Что от меня требуется сейчас? – признав поражение, убитым голосом уточнил он. Проявивший мистер Уилсон, хоть и не одобряющий шантаж, но готовый на все, чтобы спасти постановку, вступил в дело, принимаясь в красках расписывать, над чем они работали, какая у него роль и сколько текста ему нужно будет для нее выучить.

Его воодушевления Тео, конечно, не разделял. И вообще всю его вдохновенную речь пропустил мимо ушей, пустым взглядом пялясь в темную поверхность директорского стола. И единственное, о чем он мог думать, это то, что ему придется провести бок о бок с Кристофером Андерсоном ближайший месяц.

С тем самым Кристофером, которого он усиленно избегал целый год. И который, пусть и ненамеренно, но все же нашел способ до него добраться.

2

Дверь в кабинет распахнулась с дикой силой, по помещению раздался оглушительный треск, с которым она врезалась в стену, но мистер Уилсон и бровью не повел, потому что ожидал именно такого появления от этого гостя. Он как раз готовил для него сценарий, помечая красной ручкой моменты, на которые нужно обратить внимание.

– Легко на помине, – буркнул он себе под нос, зарабатывая недовольный взгляд Теодора, сложившего руки на груди и смотрящего на него с выражением лица, красноречиво говорящим о том, насколько он рад тут находиться.

– Че? – вскинул брови он, не разобрав его фразу.

Мистер Уилсон незаметно вздохнул, мысленно успокаивая себя. Он был готов к тому, что с Теодором будет тяжело. Правда, он был готов к этому. Просто, видимо, недостаточно.

– Говорю, спасибо, что постучал, – с приторной улыбкой сказал мистер Уилсон громче. – Присаживайся, не стой в дверях.

– Мне и тут нормально.

– Сядь, я сказал! – рявкнул мистер Уилсон, и ошарашенный резко поменявшимся тоном обычно мягкого учителя Теодор тут же упал на стул напротив него. Мистер Уилсон вздохнул, пригладил волосы и снова нервно улыбнулся. – Надеюсь, мы быстро найдем общий язык.

– Сомневаюсь, – с изрядной долей скептицизма вставил Теодор, но он его проигнорировал.

– У нас есть всего месяц для того, чтобы тебя подготовить, поэтому работы предстоит много, и я рассчитываю на твою отдачу, – продолжил он, складывая в аккуратную стопку листы сценария и сцепляя их степлером.

– Значит, вы очень наивны, – не сдержался Теодор, и учитель сдুলся, мгновенно сбрасывая маску наигранного дружелюбия, которая и без того еле держалась, и поднимая на него тяжелый взгляд.

Он очень завидовал этому мальчишке. Теодор наверняка не сталкивался в жизни с тяжелыми проблемами, не терзался душевными муками, не был на месте тех, кого сам же изо дня в день смешивает с грязью. Он шел по ровной широкой дороге, которую его родители построили специально для него, а за ним двигался конвой преимуществ, привилегий, защиты и неприкосновенности, обеспеченных богатством. Он завидовал этому мальчишке и не имел никакого желания связываться с ним, но последнее, что он мог сейчас делать, – это потакать ему, подставляя своих ребят. Которым, откровенно говоря, повезло не так сильно. У которых не было такой ровной широкой дороги – и потому они вынуждены, спотыкаясь и теряясь, брести по узкой темной тропинке.

Мистеру Уилсону нужна была эта постановка. И ему нужно было, чтобы Теодор задействовал все возможности своего до несправедливости великолепного голоса и выложился на сцене по полной.

И он заставит его это сделать. Чего бы ему это ни стоило.

– Послушай меня, Теодор Хейз, – понизив голос, начал он, в этот раз абсолютно серьезно, без тени улыбки, – я не собираюсь с тобой нянчиться. Если ты думаешь, что я счастлив видеть тебя здесь, ты ошибаешься. Если бы у меня был выбор, я бы сделал его точно не в твою пользу. Мне от тебя нужно только выступление, и из-за ваших же выходов я не могу найти никого другого на это место. Так что выступишь – и можешь уходить на все четыре стороны. Свою тонкую душевную организацию оставь, пожалуйста, для родителей, а тут, будь добр, молча выслушай меня, прими к сведению, кивни и выйди.

Теодор ничего не ответил, только сверлил его хмурым взглядом, вспоминая, видимо, причину, по которой оказался здесь и чем ему грозило непослушание.

– Возражений нет? Отлично, – он положил перед ним стопку листов. – Вот сценарий. Ознакомься с ним до завтрашнего дня, пожалуйста. Постепенно начинай учить. Завтра в четыре у нас репетиция, не опаздывай.

Мистер Уилсон замолк, ставя точку в разговоре, но Теодор продолжил сидеть напротив, буря взглядом теперь уже несчастную стопку.

– Что-то не так? – с трудом подавив вздох, вежливо поинтересовался мистер Уилсон.

– Я не могу в четыре, – буркнул Теодор, и в этот раз учителю не удалось сдержать раздраженного вздоха. Но, прежде чем он успел снова начать зачитывать нотации, Теодор продолжил: – У меня тренировка по волейболу с трех. Я не успею закончить до четырех.

Мистер Уилсон прикусил губу, чтобы не улыбнуться, – не дай бог, парень подумает, что он смеется над ним.

– Приходи после того, как закончишь. Мы репетируем допоздна.

Теодор забрал сценарий, бегло проглядывая содержание, и поморщился. Мистер Уилсон настороженно следил за его реакцией, готовый броситься на защиту своего детища в любое мгновение, но Теодор не отпустил больше никаких язвительных комментариев. Засунув папку в рюкзак, он поднялся.

– Можно один вопрос? – вдруг спросил он, уже подойдя к двери, и мистер Уилсон кивнул. – С чего вы взяли, что я умею петь?

Мистер Уилсон открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался стук, и в кабинет заглянул Кристофер. Несмотря на то, что он был довольно миловидным, его лицо всегда сохраняло сдержанное, даже равнодушное выражение. От этого невольно казалось, что характер у него непростой, хотя Кристофер был хорошим парнем – очень спокойным, немного робким и порой до ужаса принципиальным.

Глаза Теодора распахнулись, и он ошутимо, пусть и всего на долю секунды, растерялся. Мистер Уилсон успел заметить это и задаться вопросом, что послужило причиной такой неожиданной реакции.

Дело в том, что Теодор был не из тех людей, которых легко смутить. Он пробрался ночью в школу, устроил вечеринку, его поймали с поличным, вызвали в кабинет директора, назначили наказание; на все это он реагировал либо с насмешливым равнодушием, либо со злостью, но никогда – с растерянностью или смятением.

Неужели появление Кристофера вызвало в нем эти эмоции?

– Мистер Уилсон, вы заняты? – Крис скользнул незаинтересованным взглядом по застывшему в нелепой позе Теодору. – Я хотел поговорить насчет декораций.

– Да, проходи, Тео уже уходит, – кивнул мистер Уилсон, и Кристофер вошел внутрь, проходя мимо Теодора и садясь на стул.

Тот ошарашенно уставился на его макушку, а потом вдруг вздрогнул, будто возвращаясь в реальность, и поспешно удалился, вместо прощания бросив напоследок:

– Мое имя Теодор.

Кристофер же не выглядел хоть сколько-нибудь задетым внезапной встречей, без лишних вопросов перешел к делу, даже не поинтересовавшись, по какому делу сюда заходил Теодор, – в своем репертуаре, ни капли любопытства.

Мистер Уилсон переключил внимание на своего ученика. Тараканы в голове Теодора были не его заботой, в любом случае.

* * *

Кристофер вошел в актовый зал, ежась от прохлады, всегда царящей в этом помещении, и прошел к первым рядам, на которых сучковались участники их кружка. Его появления никто

не заметил, все продолжали оживленно болтать между собой, кроме Марка, который сидел на ряд дальше остальных и печатал что-то в телефоне – наверняка опять с Дэнни переписывался.

Крис подошел к нему и взъерошил смешные белые кудряшки на макушке, и тот поднял голову, тут же расплываясь в заразительной улыбке и с трудом двигаясь на соседнее кресло, чтобы освободить ему место.

– Крис!

Кристофер вынул наушники из ушей, аккуратно их сложил и убрал в рюкзак, прежде чем сесть рядом.

– Мистер Уилсон все-таки заставил тебя прийти на репетицию? – сочувственно спросил он.

Марк, тем не менее, выглядел очень воодушевленным и возбужденно кивнул.

– Я буду играть Цербера, – радостно сообщил он, и Кристофер закусил губу, чтобы не рассмеяться.

– Это отлично. По крайней мере, текста много учить не придется.

Марк снова кивнул, и они ненадолго замолчали. Кристофер не был любителем поболтать, а Марк, казалось, до сих пор иногда смущался много говорить, поэтому они чаще всего держались вместе и молчание их не угнетало.

Кристофер перевел взгляд на остальных ребят, которые продолжали бурно переговариваться, отчего в зале стоял легкий шум, как будто их тут не восемь было, а по меньшей мере восемнадцать.

– По какому поводу столько разговоров? – спросил он, ни к кому, впрочем, не обращаясь, но его услышала Джесс – их единственная певица. Она обернулась, приветливо улыбнувшись ему.

– Мистер Уилсон нашел кого-то на главную мужскую роль, – поделилась новостью она, и Кристофер удивленно вскинул брови.

– Серьезно? Здорово. Как умудрился только, все уже отчаялись...

Он откинулся на спинку кресла, складывая руки на груди. Джессика вернулась к разговору, и Марк прислушался, иногда решаясь что-нибудь вставить, но Кристофер молчал.

Он был уверен, что мистер Уилсон никого не найдет и снова примется его уговаривать. Ему неловко было каждый раз отказывать, но и соглашаться он не хотел – было бы слишком тяжело. Должным образом подготовиться к главной роли Кристофер бы не успел, а выступить как попало только для галочки было не в его характере.

Он бы вообще не участвовал в постановке, потому что и так взял на себя подготовку декораций, музыкального сопровождения и технической стороны, но ребят в кружке было слишком мало и он просто не мог подвести мистера Уилсона, который с таким вдохновением принялся за ее подготовку.

Кристофер встряхнул головой и пригладил темную челку. Подумав немного, достал из рюкзака книгу, которую им задали прочитать по литературе, чтобы не терять зря времени до прихода учителя, но только успел ее открыть, как над ухом раздался голос:

– Все учишься?

Кристофер поднял голову, натываясь взглядом на стоящего над ним мужчину.

Мистер Уилсон был молодым: кажется, ему недавно исполнилось двадцать семь. Когда он только пришел в школу, он был полон воодушевления и оптимизма, хотел нести музыку и искусство в массы, но быстро понял, что никому это и не нужно особо. Несмотря на испытанное разочарование, мистер Уилсон продолжал сохранять позитивный настрой, правда сузил его воздействие со всех учеников школы до семи участников кружка.

– Думал почитать, но только открыть и успел, – пожал плечами Кристофер, заглядывая за спину мужчины в надежде увидеть, кого же взяли на главную роль. Не то чтобы ему было

настолько любопытно – главное, что исполнитель есть, а кто он – это не так важно, но все-таки...

Однако за мистером Уилсоном никого не было.

– Ребята, на сцену! – хлопнул в ладоши учитель. И тут же ответил на все незаданные вопросы: – Начнем пока без нашей новой звезды, он опоздает.

Все поднялись, обмениваясь недоуменными взглядами. Кристофер отложил книгу на соседнее кресло и помог Марку, после того как тот споткнулся, едва поднявшись.

– Хорош актер, – фыркнул Остин. – Опаздывает на первую репетицию.

Остин был самым младшим в кружке. Он выглядел почти до комичного стереотипным – очки, дурацкая стрижка, огромные глаза и мешковатая одежда. Но, несмотря на это, остроте его языка можно было позавидовать. За то, что он никогда не молчал в ответ на насмешки, ему от местных хулиганов доставалось в два раза чаще, чем всем остальным.

– Не ворчи, – одернул его мистер Уилсон, услышавший сказанные в никуда слова. – Радуйтесь, что вообще придет. Так, все по позициям. Джесс, твой выход. Я пока буду читать за Орфея.

Как только началась репетиция, недовольство мгновенно было позабыто. Ради этого – ради погружения в параллельный мир, ради пылких диалогов, эмоций, ради *театра* – они собрались здесь, ради этого так усиленно борются, это готовы отстаивать.

Они успели прогнать почти всю постановку, когда дверь в актовый зал распахнулась, отвлекая всех от текстов. Кристофер взглянул в окутанный полутьмой проход, силясь разглядеть того, кто спускался вниз, к освещенным первым рядам. И ему показалось, что он мог потрогать разочарование, прокатившееся гулким вздохом по помещению после того, как к сцене подошел Теодор Хейз.

Мистер Уилсон поднялся, натянуто улыбаясь. Он и сам почувствовал внезапное напряжение, но поделать ничего с этим не мог – разве что немного сгладить. Теодор кинул спортивную сумку и рюкзак на одно из кресел, складывая руки на груди и не произнося ни слова.

Он был высоким, поджарым, занятия волейболом явно для него даром не проходили. Пронзительно зеленые глаза и светлые волосы, смуглая кожа, яркие губы – Теодор неизменно притягивал все взгляды, где бы ни появился. У него была запоминающаяся, выразительная внешность.

Но никого из тех, кто находился здесь, внешность его не впечатляла. Пусть объективно он и был красив, но красота эта стиралась под весом его высокомерной грубости, с которой каждый из ребят был знаком не понаслышке.

Повисла неудобная тишина, которую мистер Уилсон нарушил смущенным покашливанием.

– Вот, ребята, знакомьтесь, это Тео... – он наткнулся на хмурый взгляд Теодора и осекся, прежде чем продолжить: – дор Хейз, – Словно кто-то тут мог не знать самого популярного ученика их небольшой школы. – Он будет играть роль Орфея.

Никто не зааплодировал, никто не начал радоваться, ни одного благодарного слова не услышал мистер Уилсон. Первое, что он услышал, – это раздраженный стон.

– Вы серьезно? – скептически произнес Итан. – Он, по-вашему, сможет нормально сыграть?

Вообще-то, Итан был добрым и мягким парнем, похожим на большого плюшевого медведя. Он очень редко говорил другим что-то неприятное. Но, видимо, Теодор был его личным исключением из правил.

– Что он вообще тут делает? – подхватила Лиззи. – Он же придурок!

А вот Элизабет палец в рот не клади – дай что-нибудь язвительное сказать. Ее нежное лицо и хрупкая фигурка совсем не сочетались с тем, что она порой могла ляпнуть.

– Лиззи! – поперхнувшись возмущением, одернул ее мистер Уилсон.

Но было уже слишком поздно – среди ребят поднялся недовольный гул, бунта было не миновать. Виновник бунта, которого праведный гнев неудачников вообще никак не задевал, тем временем смотрел только на Кристофера, привалившегося плечом к стене и не принимающего участия в происходящем. Словно ему было все равно, кто будет играть главную роль. Словно ему было все равно, что ее будет играть *Теодор*.

Теодор не понимал, почему его это задевало. Он не понимал даже, какой реакции ждал. Знал только, что отсутствие *любой* реакции заставило его почувствовать разочарование.

Мистер Уилсон переводил полный паники взгляд со своих учеников на Теодора, не зная, что делать дальше. Нет, конечно, он не тешил себя ложными надеждами и понимал, что вряд ли они примут с распростертыми объятиями того, кто все время над ними издевался, но Теодор – буквально их единственная надежда на то, что премьера все-таки состоится, и он надеялся, что это сыграет свою роль. Что ж, очевидно, он ошибался.

Гомон все нарастал. Драматизм ребят – все-таки они были актерами, – делал каждую их реплику громче и театральнее, и мистеру Уилсону снова показалось, что их тут минимум в два раза больше.

Когда он уже готов был хвататься за голову, пришло спасение, причем от того, от кого никто его не ждал.

– Хватит, – тихий, но твердый голос Кристофера подействовал на всех как успокоительное. От него веяло холодком, против которого никто не решался выступить. Кристофер очень редко встревал, а потому к нему всегда прислушивались. И в этот раз тоже: ребята, раскрасневшиеся и растревоженные, как воробушки зимой, замолкли, поворачиваясь к нему. Теодор же, напротив, отвел взгляд. Его проклятое сердце начало стучать быстрее – и ни один человек в зале не догадывался об этом. – Что вы тут устроили? Дайте мистеру Уилсону сказать.

Мистер Уилсон облегченно выдохнул, когда пристыженные ученики уселись на край сцены, недружелюбно косясь в сторону Теодора, развалившегося на одном из кресел.

– Спасибо, Крис, – искренне поблагодарил он, и Кристофер коротко кивнул ему в ответ. – Так вот. Да, Теодор будет исполнять главную роль. Я прошу вас всех проявить терпение по отношению к нему. Это наша общая работа, так что давайте поможем ему освоиться.

– Мне не нужно помогать осваиваться, – насмешливо произнес Теодор, проглатывая свою внезапную растерянность, которая даже его самого выбила из колеи. – Если вы, неудачники, думаете, что я счастлив тут находиться, то вы ошибаетесь. Я жду не дождусь окончания этого дерьма.

Все были настолько возмущены, что даже не нашлись с ответом.

– Зачем ты тогда пришел? – закономерно поинтересовался неожиданно осмелевший Марк, впрочем, тут же сжимаясь, когда Теодор повернулся, окидывая его цепким взглядом.

– Это мое наказание, – пожал плечами тот, но непроизвольно выпрямился в кресле, когда заметил, как Кристофер спрыгнул со сцены и пошел к нему.

– Послушай, – безэмоционально начал он, спокойно встречая его взгляд. Ему было плевать на Теодора, на его отвратительное поведение, плевать на то, что за дверью, как голодные акулы, снуют его дружки, которые наверняка не упустят случая припомнить ему то, что он собирался сказать, – мы тоже не особо рады тебя видеть. Ты нас бесишь, мы бесим тебя – все ясно. Но выбора нет, так что соизволь перестать вести себя как полный придурок и начинай работать. Здесь наши правила, и если уж это твое наказание, то хоть его прими достойно.

Теодор молча смотрел на него, широко распахнув глаза, будто впервые видел, и Кристоферу от этой тишины стало неловко. Он отошел на пару шагов, чувствуя, как кто-то из ребят похлопал его по плечу.

Неужели перегнул палку?..

– Что ж, – снова откашлялся мистер Уилсон, – давайте начнем.

И едва не подавился воздухом от удивления, когда Теодор послушно встал и направился к сцене.

* * *

Ученики растеклись по креслам, невпечатленно глядя на подавленного мистера Уилсона. Их взгляды так и говорили: «Мы вовсе не удивлены». Теодор сидел на краю сцены, беззаботно болтая ногами и опираясь на вытянутые за спиной руки.

Настроение после репетиции у всех было ни к черту, и натянутая тишина, царящая в зале, только усугубляла ситуацию.

Кристофер опять углубился в книгу, не желая слушать безнадежные попытки мистера Уилсона утешить их. Он и так знал все, что тот скажет, – они все знали. Теодор был ужасен. Никакими утешениями тут не помочь. Его актерская игра была не просто на самом дне, она была там еще и с лопатой.

Кристофер понятия не имел, почему мистер Уилсон вообще решил взять Теодора на главную роль, но, чем бы он ни руководствовался, он допустил ошибку. И ошибка эта сидела в образе Теодора на краю сцены и явно ни о чем не переживала.

Ребята злились, но Крису, честно говоря, было все равно. Хорош он или плох, Теодор все равно выйдет на сцену, потому что больше некому, и позориться будет сам. Его это вообще не касается. Он здесь исключительно из уважения к мистеру Уилсону и преданности ребятам.

Мистер Уилсон тем временем пытался как можно мягче подвести неутешительные итоги сегодняшнего дня, хотя был уверен, что его подопечные и сами все понимают.

Теодор хорошо пел, но до демонстрации его голоса – единственной причины, на которую мистер Уилсон опирался, настаивая на том, чтобы он исполнял главную роль, – они так и не дошли. Теодор играл не плохо, он играл просто ужасно. Это и игрой можно было назвать с натяжкой. К и без того отвратительным способностям прибавлялось еще и то, что он совершенно не старался, и для остальных ребят, которые вкладывали в игру душу, это было плевым в лицо.

– Я вижу один выход из сложившейся ситуации, – стараясь поддерживать жизнерадостный тон голоса, сказал мистер Уилсон. – Кто-то из вас должен помочь Теодору с подготовкой.

Сзади раздалось фырканье, и мистер Уилсон с тяжелым сердцем ждал очередную колкость от Теодора, но тот промолчал, даже не возразил. Впрочем, чуть позже мистер Уилсон понял почему.

Ребята сохраняли тишину, устав возмущаться и спорить с учителем, поэтому мистер Уилсон взял дело в свои руки.

– Остин? Что насчет тебя? – позвал он хмурого мальчика, сидящего на первом ряду. Тот вскинул на него раздраженный взгляд.

– После того, как он целый год «случайно» проливал на меня сок в столовке? Ни за что, – сложив руки на груди, наотрез отказался он. – Пусть катится к черту.

Мистер Уилсон подавил вздох, но ничего не сказал. Вместо этого он переключился на его соседку.

– Джесс? – обратился он к девушке, с преувеличенным интересом разглядывающей свои ногти.

Она подняла глаза и откинула прядь длинных осветленных волос за спину.

– В начале старшей школы из-за него ко мне приклеилась кличка «Сперма», потому что я перекрасилась в серый, – убийственно холодным тоном проговорила она. – Как думаете, захочу я ему помогать?

Мистер Уилсон повернулся к Теодору с немим возмущением во взгляде, но тот только пожал плечами, делая вид, что речь шла не о нем, хотя ухмылка, растекшаяся по губам, красноречиво говорила об обратном.

– Хорошо, – глубоко вздохнув и про себя досчитав до трех, продолжил мистер Уилсон. – Итан?

– Он забрал мою копию Тадж-Махала из бумаги и сжег ее на уроке химии.

– Лиззи?

– Его друзья облили меня водкой, и мама на два месяца посадила меня под домашний арест, потому что думала, что я хожу по тусовкам вместо школы.

Мистер Уилсон, не теряя надежды, обратился к Томасу, который обычно поддерживал любые его начинания, но в этот раз даже он отказался, пробормотав что-то в оправдание; затем он повернулся к Юте, но тот только качнул головой – ему можно было не озвучивать причины, Юта был наполовину японцем, и это давало некоторым отморозкам огромное количество поводов для насмешек.

Несмотря на то, что Джонатан Уилсон был в глубоком шоке от того, что Теодор и его дикие друзья творили за спиной учителей, сделать он ничего с этим не мог – Тео уже был наказан, а отчислять его не стали бы в любом случае.

– Марк? – совершенно сдавшись, просто для приличия позвал он, и мальчишка вылупил на него огромные голубые глазщицы, которые словно стали еще больше.

– Я его боюсь, – шепотом признался он, и Теодор, не выдержав, начал громко хохотать, отчего бедный Марк стал блее мела.

– Кристофер! – с трудом перекричав хохот, мистер Уилсон обратился к последнему участнику кружка, и смех Теодора оборвался так же резко, как начался. Но лишь сам Теодор знал, что его сердце тоже стремительно оборвалось в этот миг.

Названный парень поднял глаза от книги, в которую погрузился настолько, что пропустил все происходящее.

– Что?

– А что тебе Теодор сделал плохого?

Кристофер перевел на Теодора безучастный взгляд, словно бы задумываясь, а потом посмотрел на учителя.

– Ничего, – спокойно ответил он.

Мистер Уилсон, которому это все порядком поднадоело, зацепился за последнюю возможность, которую решил не упускать.

– Так, все свободны, Теодор и Крис, оставайтесь, – раздал указания он. Ребята шумно собрались, прощаясь и сочувственно поглядывая на растерянного Кристофера. – Поторопитесь. Марк, да ускорься ты уже. Кто-нибудь, помогите ему!

Итан и Томас встали от него по обе стороны, подхватывая под руки и практически неся к выходу, и когда дверь за нестройной процессией закрылась, мистер Уилсон решительно повернулся к Кристоферу.

– Мне жаль вешать это на тебя, – начал он, пока Крис с опаской поглядывал то на него, то на потерявшего вдруг всю спесь Теодора, – но ты должен помочь Теодору подготовиться к роли.

– Я не стану, – мгновенно отреагировал Кристофер, упрямо запихивая книгу в рюкзак и твердо встречая взгляд учителя.

– Станешь, – нахмурился мистер Уилсон. – Либо это, либо главная роль переходит к тебе. Я знаю тебя, Крис, ты точно не хочешь, чтобы постановка, к которой твои друзья так усердно готовятся, потерпела крах.

Теодор вдруг спрыгнул со сцены, сжимая кулаки и с замиранием сердца вслушиваясь в каждое слово. Он будто желал что-то сказать, но в то же время не решался, напряженно ожидая ответа. Он не знал, чего ему хотелось больше, – чтобы Крис отказался или чтобы согласился.

– Вы что, шантажируете меня? – прищурившись, ровным тоном поинтересовался Кристофер, и мистер Уилсон расплылся в довольной улыбке, кивая.

– Именно так.

Кристофер закатил глаза и цокнул, разворачиваясь к выходу.

– Мне за это даже не платят, – пожаловался он в пустоту.

Мистер Уилсон, поняв, что получил согласие, ликующе хлопнул в ладоши и развернулся к Теодору.

– Возражений нет?

Он заметил, что парнишка как-то весь побледнел и вообще перестал быть похожим на самого себя, еще пару минут назад заливавшегося тут гнусным смехом.

– Нет, – хрипло выдохнул он.

Кристофер обернулся на мгновение, встречая взгляд, который Теодор тут же отвел.

– Завтра в пять тридцать в школьной библиотеке, – бросил он ему будто плевок в лицо, честное слово. – Я буду ждать десять минут – не явишься, можешь сразу идти к черту. До свидания, мистер Уилсон.

Учитель с опозданием кивнул, с удивлением глядя в спину Криса, который обычно себе таких выражений не позволял. Видимо, рассказанные друзьями истории о неудачных встречах с Теодором оказали на него влияние.

Когда Кристофер скрылся за дверью, Теодор продолжал неподвижно стоять несколько мгновений, чувствуя себя облитым помоями с головы до ног, а потом вдруг бросился вслед за ним, позабыв напрочь попрощаться с учителем и забрать свои вещи.

Если Кристофер решил, что может так с ним разговаривать, то он ошибся! То, что Теодор никогда не трогал его, не значило, что он особенный или неприкосновенный, – это значило, что Тео оказывал ему *услугу*. Которую всегда может забрать.

По крайней мере, он предпочитал так думать.

Теодор догнал уходящего Кристофера в опустевшем коридоре.

– Послушай внимательно, – прошипел он, хватая его за плечи и резко разворачивая на себя.

Кристофер распахнул глаза от неожиданности и попытался отодвинуться, но Теодор дернул его еще ближе. Случайно слишком близко. Так близко, что и сам забыл, что хотел сказать. Он невольно скользнул взглядом от светло-карих глаз к мягкому розовому изгибу губ и гулко сглотнул, заставляя себя вернуться в реальность.

– Я слушаю, – вскинул брови Кристофер, обескураженный внезапным молчанием, и Теодор открыл рот и тут же закрыл его, кляня себя за слабость, когда разжал хватку на чужих плечах и отступил.

– Ты думаешь, что я не выбью из тебя дерьмо, если ты продолжишь так со мной разговаривать? – через силу процедил он. – Если так, то знай – ты ошибаешься.

Кристофер ни на мгновение не отвел прохладного взгляда и равнодушно повел плечами. Он и вправду совсем не боялся Теодора. Ну что тот мог ему сделать? Теодор никогда никого не бил, а унижение и насмешки Кристофера вовсе не пугали.

– Буду иметь в виду. Завтра в пять тридцать, не забудь, пожалуйста, – напомнил он, и вся бессильная отчаянная злоба Теодора разбилась о стену его невозмутимости.

Развернувшись, он просто пошел к выходу, оставляя Теодора давиться тем, что он так и не смог сказать.

«Что за чертовщина», – подумал он, прижимая руку к груди, в которой как-то неестественно быстро билось сердце.

Серьезно, что за чертовщину Кристофер с ним творит?

3

– Отвратительно, – прокомментировал Юта.

Он родился в этом городе, его мать вышла замуж за местного юриста и переехала сюда из Осаки, и больше всего Юта ненавидел, когда кто-то пытался начать говорить с ним на ломаном японском или, того хуже, корейском, принимая за туриста, который ни слова не понимает по-английски. «Словно в эту дыру мог бы приехать турист», – фыркал он.

Больше всего он любил театральный кружок, зависать в баре, где иногда наливали алкоголь несовершеннолетним, и Кристофера, с которым они дружили с самых пеленок.

Юта был невысоким – на полголовы ниже Кристофера, который и сам ростом не отличался, – и волосы у него были безнадежно сожжены краской – еще в подростковом возрасте он потратил очень много усилий на то, чтобы вытравить родной черный цвет. Теперь они были собраны в небольшой хвостик, а состригать их Юта категорически отказывался.

Они стояли возле шкафчиков на большом перерыве и смотрели на Теодора, целующегося в другом конце коридора со своей девушкой. Или, правильнее было бы сказать, с одной из своих многочисленных девушек – его видели много с кем, но, как правило, не чаще пары раз. Теодор целовался с таким упоением, будто хотел съесть бедняжку. Так и тянуло пожелать приятного аппетита.

Кристофер вообще не был уверен, что в школе можно творить подобное. Наверное, только если ты Теодор Хейз.

Он вздохнул, отворачиваясь и складывая в шкафчик учебники по алгебре, прежде чем достать новые по биологии и анатомии.

– Чувствуешь это? – Юта привалился плечом к соседнему шкафчику, испытующе глядя на Криса. – Гетеросексуальностью завоняло.

– Ты не можешь так говорить, – вяло возразил Кристофер. – Ты сам гетеросексуал. Может, это от тебя воняет.

– Но я не позволяю себе такого! – он стрельнул взглядом в Теодора и девушку. – А как же этика? А мои эстетические чувства? Это мне, может, весь день испортило. У меня, может, глаза от этого болят.

– Ну так ты не смотри, – посоветовал Кристофер, не став упоминать, что основная причина, по которой Юта не позволял себе такого, заключалась в том, что позволять было не с кем. Вместо этого он продолжал копаться в шкафчике, чтобы отыскать завалявшийся там батончик из злаков. Он забыл взять с собой обед, а еда в столовой была неприлично дорогой и не особо вкусной, ему было жаль тратить на нее деньги.

– Нет, ты послушай, если бы это были мы с тобой, нас бы сразу отвели к директору! – привел неоспоримый аргумент Юта, его голос был наполнен негодованием. Кристофер устало закатил глаза, расстраиваясь из-за того, что так и не отыскал свой батончик. Он захлопнул шкафчик и развернулся к другу.

Он знал, что все возмущение Юты было вызвано не нарушением его эстетических потребностей, а тем, что именно Теодор эти потребности нарушал. Он не разделял его неприязни – да и в принципе неприязни всех участников кружка, которые волком смотрели на него. Да, Кристофер не относился к Теодору хорошо, но и плохо тоже не относился, потому что не привык судить о тех, кого не знал лично. Теодор творил всякое, и мало что из этого можно было назвать приятным, но все-таки он никогда никому не причинял серьезного вреда, и в некоторых случаях виной всему был даже не он, а его дружки. И потом, у него наверняка были свои причины быть таким. Ничего не происходит просто так, у всего есть мотивы, причины и следствия, эту истину Крис уяснил уже давно. Конечно, он не оправдывал его, но просто иногда задумывался о том, что, возможно, в тот раз это мог быть...

Нет, это чушь.

От Теодора и вправду гетеросексуальностью за милю несло. Может, Кристофер и не знал о нем ничего личного, но то, что было выставлено напоказ, казалось вполне однозначным. Популярный мальчик со смазливой личиком, неугасающей харизмой и уверенностью в себе, да еще и из богатой семьи. Прибавить к этому место капитана волейбольной команды, тачку и кривую усмешку, вечно играющую на красивых губах, и все – полный набор образа из мокрых снов.

А у Кристофера вообще из зацепок был только голос, и он с ходу мог назвать с десяток парней в их школе, у которых были такие же низкие голоса, как у Теодора. Это вообще не было причиной.

– Это не могли бы быть мы с тобой, – ответил он Юте. – Во-первых, потому что ты гетеро. Во-вторых, даже если бы ты был по мальчикам, я бы не стал с тобой целоваться, ты мне как брат.

Юта моргнул, обрабатывая информацию, и вдруг подался вперед, упершись руками в шкафчики по бокам от Криса и сократив расстояние до неприличия. Из-за того, что он был ниже, это ощущалось почти комичным. На его губах расплзлась шутливая ухмылка, и Крису с трудом удалось сохранить серьезное выражение лица.

– Ты уверен? – понизив голос, чтобы звучать соблазнительнее, поинтересовался он и выразительно поиграл бровями. – Я неплохо целуюсь. Задам планку для твоего будущего парня!

Кристофер фыркнул и только открыл рот, чтобы ответить, как рядом с ними раздалось многозначительное покашливание, и перепуганный Юта побледнел за долю секунды и отлетел от Криса как ужаленный, торопливо оборачиваясь.

Кристофер встретился взглядом с мрачным Теодором, который вроде еще мгновение назад был в другом конце коридора, и невольно покраснел до корней волос. А потом сам себя за это наругал.

Нашел перед кем смущаться! Да еще и после того, как Теодор на глазах у всей школы чуть ли не по гланды засунул язык в рот девушки! Ему-то вообще хоть бы что: стоял, смотрел на Кристофера так, словно он тут на его глазах совершил кровавое жертвоприношение, причем жертвой была его любимая собачка.

Зачем вообще подошел?

– Не помешал? – сухо осведомился он, наконец нарушив неловкую тишину.

– Помешал, – пробурчал Юта, который, хоть и успокоился немного, что это не кто-то из учителей и не директор, но все же порядочно смутился. – Мы вот только собирались...

– Замолчи, – прошипел покрасневший еще гуще Кристофер, пихая Юту локтем в живот и не замечая, как потемнел взгляд Теодора. Потом обратился к подошедшему парню: – Что тебе нужно?

Тот пристально смотрел на Юту, и последний невольно сжался. Теодор, конечно, не бил никого просто так, но о том, что он хорошо дрался, было известно всем, и никто не желал попадаться ему под горячую руку.

– Теодор? – окликнул его Кристофер, не получив сразу ответа, и парень вздрогнул, возвращая внимание на него.

– Когда мы встречаемся? – низким голосом спросил он.

Крис сглотнул, ощущая на себе вопросительный взгляд Юты, и крепче сжал в пальцах ручки рюкзака.

– В пять тридцать в библиотеке, – он приподнял брови. Неужели уже забыл? Они говорили об этом только вчера. Что вообще за дурацкий повод подходить? Да еще и так внезапно, да еще и от такого важного дела отвлекся!

Теодор кивнул и удалился, провожаемый двумя ошарашенными взглядами. А потом Юта ехидно поинтересовался:

– Так... что значит «мы встречаемся»?

Кристофер застонал, запрокидывая голову.

* * *

Допрос с пристрастием от Юты, незапланированный тест по анатомии, запланированный диктант по английскому вымотали Кристофера, и конца уроков он ждал как божьего благоговения, умудрившись забыть, что ему еще нужно было отбывать «повинность» в библиотеке с Теодором.

Искушение бросить все и уйти было так велико, но чувство долга перед мистером Уилсоном было сильнее.

Последний урок Кристофера закончился в десять минут шестого. Он попрощался с Ютой, который не переставал слать ему многозначительные ухмылочки до тех пор, пока Кристофер не пригрозил отработать на нем пару приемов тхэквондо, и поплелся в сторону библиотеки.

Живот жалобно заурчал от голода, и он прижал к нему ладонь в тщетной попытке приглушить звук. И почему люди не могут без еды? Как полезно было бы – и деньги не тратишь, и время, и вес не набираешь.

Крис вздохнул, заходя в практически пустое помещение и устало улыбаясь пожилой библиотечарше.

– Будешь что-нибудь брат, сынок? – поинтересовалась она мягким старческим голосом. Кристофер вежливо покачал головой.

– Я жду знакомого, нам нужно позаниматься, – объяснил он, и в середине его предложения живот снова громко заявил о себе. Он поморщился, чувствуя, как стыд обжег щеки.

– Голодный! – ахнула старушка, всплескивая руками. – Сейчас, подожди-ка здесь, миленький.

Она вернулась с маленькой вскрытой упаковкой печенья и бананом. В библиотеке нельзя было есть, но Кристофер был любимчиком маленькой сварливой библиотечарши, поэтому у него были определенные привилегии.

– Возьми.

Кристофер чуть не заплакал от благодарности, принимая угощение. Живот, почувствовав скорую награду за свои тяготы, снова оживился.

– Спасибо! Я пойду за стол, – произнес, прижимая к груди драгоценные печенки.

– Иди-иди, – добродушно улыбнулась пожилая женщина в ответ, и Кристофер удалился, выбирая самое дальнее место, с которого был виден вход. Он достал учебник по геометрии и тетрадь, решив скоротать ожидание за выполнением домашнего задания.

Он надеялся, что они закончат не позже половины седьмого, потому что потом ему еще нужно на работу. Крис невольно задумался над тем, почему же он здесь. Да, он сам согласился, чтобы не подставлять ребят, – удобное оправдание. Но в глубине души он понимал, что, если бы действительно не хотел, никто бы не смог заставить его проводить время с Теодором. И дело было не в том, что ему нравился Теодор или он испытывал желание помочь ему освоиться, просто мысли о том, что тогда это мог быть *он*, не отпускали, и Кристоферу...

Ему хотелось знать правду. Ему *нужно* было ее знать. И Теодор мог бы с этим помочь.

Он подпер щеку ладонью, жуя печенье и скользя взглядом по строчкам в учебнике, пытаясь вникнуть в условие задачи, но сам то и дело поглядывал на часы.

Стрелка перевалила за половину – Теодора не было. Не появился он через минуту после назначенного времени, через пять, через десять и через двадцать. Вопреки железному условию,

что ждать он будет не дольше десяти минут, Кристофер продолжал сидеть, ощущая растущее в груди разочарование вперемешку с раздражением.

Когда минутная стрелка часов почти достигла шести, Кристофер резко скинул учебники в рюкзак, собрал мусор и вылетел из библиотеки, скомканно попрощавшись с библиотекаршей, проводившей его обеспокоенным взглядом.

Он чувствовал себя просто отвратительно униженным, хотя это не должно было так его задеть.

Неужели ты настолько наивный, Крис Андерсон?

Думал, что сам *Теодор Хейз* освободит полчаса из своего забитого расписания, чтобы изучить сценарий к постановке, которую готовила кучка неудачников?

Ну да, *конечно*.

Получи и распишись.

Он торопливо шел по уже опустевшим коридорам школы, и в груди у него неприятно тянуло. Кристофер хмурился и сильно кусал губу, чтобы отвлечься от этого чувства. Оно ему не нравилось.

* * *

Теодор нетерпеливо притопывал ногой, не прислушиваясь толком к словам тренера, который внезапно решил организовать собрание, чтобы «поддержать командный дух перед предстоящими соревнованиями», прямая цитата.

Теодору сейчас было не до командного духа: мало того что с последнего урока их отпустили не в двадцать минут шестого, а в половину, так еще и тренер со своими пространными вдохновляющими речами, которые за два года, проведенные в команде, он уже знал наизусть и которые никогда ни на кого не оказывали действия, задерживал его. И телефон, как назло, Теодор впопыхах забыл в рюкзаке, который до этого закинул в шкафчик, чтобы не таскаться с ним зря.

Кристофер ведь не станет его ждать. Он точно не станет. Конечно, хотелось бы надеяться на чудо, но тренер уже двадцать минут заливался сладкими эпитетами о том, что он с ними сделает, если они проиграют матч, и только это самое чудо могло их спасти от еще двадцати таких же минут.

Видимо, молитвы Тео были кем-то услышаны, потому что чудо явилось в раздевалку в образе молоденькой медсестры. Тренер замолк на полуслове, икнул и расплылся в обольстительной – Теодора аж передернуло – улыбке.

– Чем могу помочь? – заискивающе спросил он, мгновенно позабыв о восьми здоровых лбах, которые сгорали от желания свалить из душной вонючей раздевалки.

– Вы должны были предоставить мне справки своих ребят, – строгим тоном начала девушка. – Я не получила ни одной. Почему за вами вечно надо бегать?

– Ну, мисс Стюарт... – неловко хихикнув, заговорил мужчина, но Теодор, забив уже на все правила приличия, перебил его.

– Простите, тренер, но можно нам идти? – громко поинтересовался он, и тренер, конечно, позволил. Теперь у него появились дела поважнее, чем петушиться перед старшекласниками.

– Поверить не могу, что этот хрен задержал нас на столько времени, – начал ныть Джейкоб. – Уже почти шесть...

Теодор споткнулся на пороге, округлив глаза.

– Сколько? – ошарашенно выдохнул он.

– Шесть... – растерянно повторил Джейкоб, и Теодор сорвался с места в тот же миг, несясь в сторону библиотеки (по крайней мере, он надеялся, что библиотека была в той стороне, потому что он там ни разу не был). – Эй! Эй, что случилось?

Но Теодор не ответил, только махнул рукой, как бы говоря, что потом объяснит. Сердце быстро колотилось в груди, и он не мог найти объяснения своему волнению. Он постоянно опаздывал на все встречи, на свидания, тренировки – куда угодно, и его это не особо волновало, но сейчас... Все было по-другому.

Он действительно боялся, что Кристофера уже не будет на месте. Что он расстроится, огорчится, что разочаруется в Теодоре.

Наверное, стоило просто смириться с тем, что все происходящие с ним странности объяснялись одним – Кристофером.

– Молодой человек! – строго повысив голос, остановила его в дверях пожилая противная библиотечарша. – Тут нельзя бегать. Это вам не спортивное поле.

«Вот гримза», – подумалось Теодору. Он, пытаясь отдышаться, оглядел абсолютно пустое помещение, а потом, проглотив неприязнь, подошел к злобной старухе.

– Тут не было парня из первого класса? Такой темноволосый, Кристофер зовут, – сдвинуто поинтересовался он.

Старуха просканировала его подозрительным взглядом, потом мучительно медленно поднесла сухой палец к лицу, поправляя очки. Теодор сильно кусал губу, чтобы не начать ругаться.

– Был, – наконец ответила она так, словно сделала ему одолжение. – Ушел минут пять назад.

Она собиралась добавить что-то еще, но Теодор уже выбежал из библиотеки, несясь к выходу. Он злился на себя за то, что не пропустил это дурацкое бесполезное собрание, на тренера, который это собрание устроил, на библиотечаршу, на которую потратил целых две драгоценных минуты. Только на Кристофера злиться не мог. Тот вообще обещал ждать ровно десять минут, а сам... сам ждал его все это время, не уходил.

Он вылетел на улицу, прищуривая глаза, и едва не упал на колени от облегчения, когда увидел знакомую темную макушку где-то у ворот. Набрав в легкие побольше воздуха, он заорал:

– Кристофер!

Макушка замерла и постояла пару секунд на месте, прежде чем снова пуститься в путь.

– Твою мать, – прорычал Теодор, опять срываясь на бег и злясь теперь уже и на Кристофера. Что ему, сложно постоять минуту, что ли? Да Теодор так скоро легкие свои выплюнет прямо ему под ноги, даже спортивная выносливость не поможет.

– Стой! – снова закричал он, едва не кувырком летя по тротуару. Схватил его за руку, сгибаясь пополам, и Кристофер преувеличенно громко вздохнул, разворачиваясь.

– У тебя ладони потные, – ровно произнес он, опуская взгляд на свое окольцованное чужими пальцами запястье.

Теодор поднял на него раздраженный взгляд, но ничего не смог сказать, потому что потратил весь кислород в легких на то, чтобы добежать до упряма.

– Придумал, что сказать в оправдание? – поинтересовался тем временем Крис. – Может, учитель оставил после уроков? Или друзья не отпускали? Тренер позвал на внезапное собрание? С девочкой развлекался?

Теодор закашлялся от изумления. Кристофер отвел взгляд, как будто сам не ожидал от себя последней фразы. Да, Теодор развлекался с девочками, каждый раз с разными, всегда с самыми красивыми, очаровательными, женственными.

Если бы еще это помогало.

Если бы еще каждый раз, целуя кого-то, он не видел за закрытыми веками вовсе не свою партнершу.

Он сплюнул вязкую слюну, выпрямляясь, сильно, пусть и непреднамеренно, уязвленный.

– В точку, – ядовито ответил он. – Мистер Всезнайка опять оказался прав.

Кристофер нахмурился, и Теодору стало неудобно, как будто за шиворот бросили горсть снега. Он должен был сказать не это. Он должен был извиниться. Предложить исправить свою вину.

Эта постановка – наказание, и он должен был отработать его, хотелось ему или нет. Кристофер же (практически) добровольно согласился с этим помочь, не представляя даже, насколько это было ценно для Теодора.

Отчасти потому, что сам Теодор упорно показывал обратное.

И вопрос тут был не в том, что он чувствовал. За что он на Криса злился и за что злиться был не в силах.

– Знаешь что, – в уголках губ Кристофера застыло разочарование, блеск пропал из взгляда, – не нужны нам эти занятия. Тебе, очевидно, на них плевать, а я не желаю заботиться о том, что меня не касается.

Он вырвал руку из пальцев Теодора, собравшись уходить, но тот, неожиданно даже для себя, его остановил.

– Нет, подожди, я... – Под испытующим взглядом Кристофера мысли не желали формулироваться в слова, хотя он очень редко испытывал сложности с тем, что сказать. Теодор вдохнул побольше воздуха. Куда подевалась его обычная самоуверенность? Где его красноречие? Что такого в Кристофере, что постоянно делает из него какого-то неудачника? – На самом деле, нас действительно тренер собирал. Я забыл телефон в рюкзаке, поэтому потерял счет времени и не смог тебя предупредить. Мне жаль. Мы можем... можем позаниматься сейчас.

– Не можем, – резковато ответил Кристофер, но, когда встретился взглядом с Теодором, выглядящим по-настоящему виновато, растерял всю свою злость. Он устало потер глаза, прежде чем продолжить уже мягче: – У меня работа через полчаса. Мы не можем позаниматься сейчас.

– Ты работаешь? – изумленно округлив глаза, поинтересовался Теодор. Это оказалось настолько неожиданным, что он едва не подавился воздухом. У них очень большая нагрузка в школе, а Кристофер входит в тройку лучших учеников. К тому же он репетирует с кружком мистера Уилсона.

И работает?

Он вообще спит? Хоть иногда?

Кристофер нехотя кивнул.

– Допрос окончен? Я могу идти?

Только сейчас Теодор заметил, какое измученное у него лицо. Он не обращал внимания – не то чтобы должен был – на круги под глазами, на болезненно бледную кожу и скулы, которые от худобы резко выделялись. Кристофер действительно выглядел так, будто после восьми уроков и репетиции ходит еще и на работу.

– Где ты работаешь?

Видимо, Крис понял, что отвечать на вопросы проще, чем огрызаться. И быстрее.

– В библиотеке.

– Что? – Теодор не отводил от него взгляда, а Кристофер на него упорно не смотрел. – У тебя что, фетиш на библиотеки какой-то?

Кристофер многозначительно промолчал, отворачиваясь и принимаясь идти вперед, и Теодор, гонимый мучительным чувством, похожим на боль в животе, не отставал.

– Послушай, у меня есть предложение, – выпалил он, и Кристофер, пытаясь скрыть любопытство, которое обычно у него было трудно вызвать, опять остановился. – Я забираю свой рюкзак из шкафчика, мы едем перекусить – я угощаю, – потом я отвожу тебя в библиотеку. Думаю, мы вполне можем позаниматься, когда ты будешь стирать пыль с полок и таскать тяжеленные книги, а я буду смотреть на тебя до тех пор, пока совесть не заставит меня тебе помочь. Как тебе такая попытка искупить вину?

Они не были друзьями. Они даже не были знакомыми. Все, что их связывало, – это случайности, одна за другой, о половине из которых знает лишь Теодор.

Но огромные уставшие глаза Кристофера загорелись, а на губах появилась маленькая улыбка. Он склонил голову к плечу, держась за лямки рюкзака и становясь похожим на озорного мальчишку.

– Мне придется ждать тебя, пока ты пойдешь за рюкзаком?

– Да, похоже, придется...

– Ты, главное, тренеру на глаза не попадайся, – посоветовал Кристофер.

Теодор смущенно почесал затылок, отступая, чтобы побежать в школу, и он тихо засмеялся, прикрывая рот ладонью.

И то, что это делало с Теодором, сложно было описать словами.

Правда была в том, что этот смех ему хотелось слышать гораздо чаще, чем любой другой.

* * *

Он действительно не заставил Кристофера долго ждать – когда вернулся, тот продолжал стоять на месте, что-то читая в телефоне.

– Пойдем к парковке, – окликнул его Теодор, и Кристофер вздрогнул, поднимая взгляд.

– Надо же, как быстро, – не смог не съязвить он. – Неужели торопился?

Теодор закатил глаза и отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Они ехали до закусочной в молчании, и, несмотря на то, что оно было довольно неловким, оно не было... неприятным.

Просто сама мысль о том, что на пассажирском сиденье его машины сидит Кристофер, была слишком нереальной. Казалось, вот он снова украдкой туда посмотрит – и никого не обнаружит, и вообще все это окажется сном и Кристофер все так же будет смотреть мимо него в школьных коридорах, а Теодору останется только тщетно пытаться поймать его взгляд и одновременно ужасно бояться этого.

Кристофер был таким странным, и сложным, и далеким, как какая-то трудная задачка по логике, которую Теодор и решить не мог, и выкинуть из головы был не в силах.

Он переживал, что в тот момент, как они окажутся близко, Кристофер сразу обо всем догадается, узнает все, что Теодор так ревностно скрывает от всего мира, но его страхи оказались беспочвенны, а значит, это дает ему призрачный шанс побыть рядом с ним совсем немного, он ведь уже успел...

Навсегда попрощаться с этой возможностью.

– Теодор, зеленый, – вывел его из мыслей голос Кристофера, и он моргнул, тихо извиняясь и нажимая на газ.

Он не заметил, как Кристофер бросил на него странный взгляд. Даже не обратил внимания на то, что *извинился*. *Вслух*.

Когда они доехали до закусочной, Теодор беспардонно обошел очередь, вставая вперед.

– Ой, привет, – улыбнулся парень за кассой. – Тебе как обычно?

Кристофер нахмурился, оборачиваясь на недовольных людей, которые пытались возмущаться, но делали это вполголоса. Теодора это, казалось, совсем не трогало. Насколько толстокожим был этот парень?..

– Кристофер, – позвал он его. – Ты что будешь?

Кристофер упрямо поджал губы, собираясь сказать, что отстоит всю очередь, но потом подумал, что смысла в его ультиматуме не было бы. Он был голоден, его смена вот-вот начнется, и перед ним стоял выбор – потратить десять минут на очередь и остаться голодным до ночи, или потратить их на то, чтобы нормально поесть.

– Чизбургер, маленькую картошку фри и среднюю газировку.

Теодор кивнул и повернулся к парню за кассой, пока Кристофер пошел к столику. Долго ждать не пришлось – он вернулся с подносом уже через несколько минут.

– Так быстро...

– Менеджер здесь мой знакомый, – сообщил Теодор, садясь напротив него. – Я попросил поторопиться.

– И очередь тоже из твоих знакомых состояла, поэтому ты ее проигнорировал?

Теодор замер на мгновение, явно растерявшись, а потом пожал плечами.

– Если бы мы стояли, ты бы не успел поесть, – сказал он так просто, словно это было ясно как дважды два. Кристофер уставился на него удивленно, пока он разворачивал бургер. Он взял то же самое, что и Крис, только в два раза больше. Заметив его взгляд, Теодор вскинул брови. – Что?..

Кристофер качнул головой и смущенно откашлялся.

– Ты взял так много, точно успеешь съесть? У меня смена через двадцать минут, – пробормотал он, чтобы сменить тему.

Теодор усмехнулся.

– Я съем все за пять, довезу тебя туда за шесть, и у тебя останется еще восемь минут на то, чтобы подготовиться, – не без самодовольства произнес он. – Засекай время.

И потом началось шоу.

Кристофер, открыв рот, смотрел на то, как Теодор поглощал еду. Было в этом что-то отвратительное и завораживающее одновременно. Он ел очень быстро, огромными кусками, но при этом умудрялся не проронить ни кусочка, не заляпаться, не чавкать.

Только спустя пару минут Кристофер вспомнил, что тоже, вообще-то, должен есть.

К тому моменту, как он съел чизбургер и половину картошки фри, Теодор уже расправился со всем и откинулся на спинку диванчика с довольным видом.

– Это... впечатляет, – выдал из себя Кристофер. Он допил газировку и отодвинул поднос. Они поднялись с Теодором одновременно. – Ты вроде бы даже... не жевал?

Теодор хмыкнул.

– Научился этому во время выездных турниров, – поделился он. – Там общие столы и куча голодных парней. Если хочешь наесться, нужно есть как можно быстрее и как можно больше.

Кристофер понимающе кивнул и спустя какое-то время добавил:

– Спасибо. За то, что угостил.

Теодор улыбнулся, но ничего не ответил, и поездка до библиотеки снова прошла в тишине, только в этот раз она была куда менее неловкой. Словно невидимая стена между ними пошла трещинами.

В библиотеке Кристофер, очевидно, чувствовал себя как рыба в воде. Теодор молча шел за ним, пока он с кем-то здоровался, с кем-то переговаривался и в целом выглядел спокойнее и расслабленнее, чем был всего минуту назад в машине.

Сам Теодор был здесь впервые, и такие места были, мягко говоря, не в его вкусе – слишком уж тихо. Когда слишком тихо, мысли становятся громче, а в мыслях Теодора редко бывает что-то хорошее.

Кристоферу нужно было разобрать книги, поэтому он сначала занялся этим. Чтобы не терять время зря, Теодор сел на второй стул за стойкой и достал сценарий. К тому моменту, как он вернулся, Теодор успел прочитать текст дважды, и его слегка мучило от необходимости произносить это вслух перед ним.

– Начинай, – без лишних прелюдий приказал Кристофер, внимательно глядя на него, и Теодор гулко сглотнул.

Во время прочтения реплик Теодор то и дело бросал взгляд на Кристофера, из-за чего то и дело сбивался. Но лицо Криса совершенно не менялось – оставалось невозмутимым. Сложно было понять, о чем он думал.

– Еще раз, – сказал Кристофер, стоило ему закончить. Он тоже достал свою копию сценария.

Теодор вздохнул, пролистал сценарий до начала и только прочитал первую реплику, как он его остановил.

– Неправильно. Читай с выражением. Твой герой – это ты сам. Ты испытываешь страх, боишься опасности, боишься свою возлюбленную потерять, – голос Кристофера был спокойным и ровным, негромким, чтобы не нарушать тишину библиотеки. Он смотрел Теодору в глаза, и Теодору приходилось прикладывать усилие, чтобы понимать, что он говорит. – Знаешь о языке тела? Выражай эмоции через него. У человека, который боится, дрожит голос, глаза кажутся влажными, он тяжело дышит. Он застывает, его взгляд стекленеет. Попробуй показать это все. Давай сначала.

Теодор нахмурился, вглядываясь в текст, будто он способен был магическим образом научить его показывать все эмоции. Только сейчас он вдруг понял, насколько хорошо пьеса была написана – все реплики были очень красноречивы и отлично передавали чувства и события. Оставалось лишь сыграть их.

Он успел дойти до следующей сцены, как Кристофер снова его остановил:

– С начала.

А потом еще раз:

– Давай по новой.

И еще:

– Начни снова, пожалуйста.

Теодор чувствовал, как кипит под кожей раздражение, и в конце концов не сдержался.

– Просто дай мне прочитать все, черт возьми! – воскликнул он, и глаза Кристофера едва заметно расширились. Теодор в ту же секунду пожалел о том, как отреагировал, но сказать ничего не успел.

– Хорошо. Давай с начала и можешь читать до конца, – ровно произнес Кристофер.

Теодор прищурился, пытаясь найти подвох в его словах, но тот смотрел на него выжидающе, и он откашлялся, с опаской принимаясь читать.

Первые несколько реплик он ждал, что Кристофер снова его одернет, но он молчал, и Теодор начал читать увереннее. Странно было произносить фразы и не получать на них ответа, но, наверное, если бы они отыгрывали пьесу полностью, это заняло бы в несколько раз больше времени.

К тому моменту, как он закончил, его голос осип. Он сложил сценарий и поднял на Кристофера глаза.

В библиотеке было уже почти пусто, только несколько людей в возрасте разбрелись по разным концам. Кристофер сидел, подперев щеку ладонью, из-за чего она смешно сплюснулась, делая его похожим на рыбку, и со скучающим видом смотрел на Теодора.

– Ужасно, – вынес вердикт он, и Теодор вскипел, со злостью отбросив от себя уже порядком потрепанный сценарий. Его губы скривились. – Ну ты подожди, не кипятись так!..

– Я читаю это в десятый раз, – прорычал Теодор, раздраженно глядя на Кристофера. – Ты издеваешься надо мной?!

– Вовсе нет! – невинно округлил глаза Кристофер, забирая листы и аккуратно их складывая. – Опыт приходит с практикой, а у тебя было очень мало практики, поэтому дело не в том, что я придираюсь. Именно поэтому я останавливал тебя до того, как ты дойдешь до конца. Не расстраивайся и держи себя в руках. Давай еще раз.

Теодор выдохнул сквозь стиснутые зубы, пытаясь успокоиться и протягивая руку за сценарием, но Кристофер вдруг покачал головой.

– Сам.

– Что? – непонимающе переспросил он, снова начиная выходить из себя. Еще немного, и он накричит на Криса, точно, а потом будет мучиться совестью – пусть и вполне заслуженно, но все же. – Каким, черт возьми, образом?

– Ты читал это десять раз вслух, – резонно подметил Кристофер. – Теперь воспроизведи сам. Если ты не будешь смотреть в бумагу, получится естественнее.

Теодор открыл рот, чтобы возмутиться. Закрыв его. Сосредоточился, вспоминая, с чего все началось. И когда открыл рот снова, из него вырвалась первая фраза диалога. Кристофер спрятал улыбку, в этот раз читая реплики за Эвридику.

Надо же, он оказался прав. Теодор действительно запомнил текст.

– Тебе все еще не хватает эмоций, – вынес вердикт Кристофер, когда они закончили эту сцену. – Эвридика – любовь всей твоей жизни, и ты спускаешься за ней в Преисподнюю. Ты ужасно боишься, но готов пойти на это ради нее! Ты чувствуешь столько эмоций! Ты должен передать их своим голосом, мимикой. Представь вместо нее того, кто действительно тебе дорог, может, поможет. Попробуем еще раз.

Теодор моргнул, посмотрел на Кристофера как-то странно. Представить того, кто ему действительно дорог, было довольно... легко.

И от этого стало ужасно стыдно, словно он посягнул на то, на что у него не было права.

– О, как сердце замирает от тревоги! – внезапно порывисто закричал Теодор фразу из сценария, чтобы скрыть свое замешательство, и Кристофер округлил глаза от неожиданности, подаваясь вперед и зажимая ему рот ладонью.

– Не так много эмоций, – прошипел он, оглядываясь по сторонам. – Мы же в библиотеке, тупица!

Но Теодор не услышал. Его глаза изумленно расширились.

Кристофер снова оказался слишком близко к нему, и взгляд притянуло к его губам как магнитом. Он вспомнил, как этот нелепый японец, друг Кристофера, сегодня едва не поцеловал его, и вспышка кислой ревности ошпарила язык.

Теодор бы ни за что не признался даже себе в том, что хотел оказаться на его месте. Еще сложнее было признаться в том, что он никогда бы не оказался на его месте, потому что боится.

Кристофер такой красивый, а Теодор – просто отменный трус.

Крис осознал, в какой ситуации они оказались: его ладонь плотно прижата ко рту Теодора, и они смотрят друг на друга с расстояния не больше нескольких сантиметров. Он тут же отстранился от застывшего парня, краснея до корней волос и откашливаясь.

– Эм... ну, думаю, на сегодня... это все, – промямлил он, внезапно смутившись.

– Во сколько ты заканчиваешь? – непривычно охрипшим голосом спросил Теодор.

Кристофер вскинул на него темные глаза, распахнутые в удивлении.

– Через полчаса, – растерянно ответил он.

– Я посижу до конца, – решил Теодор, снова хватая сценарий и старательно отводя взгляд. – А потом домой тебя отвезу. Где, говоришь, лучше эмоции показать?

Кристофер посмотрел на него, не понимая, что только что произошло, но послушно пустился в объяснения. Теодор его внимательно слушал, отмечая что-то карандашом на полях листов.

И Кристофер думал о том, что, наверное, тогда это и вправду мог быть кто угодно. Он ведь помнил только голос, а похожих голосов в их школе было так много.

Это мог быть кто угодно, но сейчас...

Ему почему-то действительно хотелось, чтобы это был Теодор.

А Теодор думал о том, как ему совсем не хотелось, чтобы Кристофер узнал, что тогда это был он.

4

Они с Теодором успели провести еще три занятия до следующей репетиции: занимались каждый день по несколько часов. Кристофер сам не понял, когда это стало привычной рутиной – они вместе уходили с уроков, перекусывали в какой-нибудь из кафешек по пути в библиотеку, а там сидели до самого окончания его рабочей смены. Кристофер не мог сказать, что Теодор превратился в гения актерского мастерства, но он явно улучшил свои навыки. В моменты, когда он переставал кривляться и начинал по-настоящему стараться, он играл вполне сносно, и Кристофер даже... немного гордился им.

Он надеялся, что ребята из кружка не станут судить его слишком строго, несмотря на свое отношение к нему: вера Теодора в собственный талант актера была очень хрупкой и одно неосторожное слово могло ее разбить. Но у него не было завышенных ожиданий.

По правде говоря, у него не было вообще никаких ожиданий. Теодор действительно никогда не трогал его и никому не причинял физического вреда, но у него были глаза и уши, и он слышал, что Теодор со своими друзьями порой выкидывали, видел, как они относились к другим, и знал, что Теодор, мягко говоря, был не самым приятным человеком.

Ладно, если быть откровенным, Теодор был тем еще мудаком.

Когда он во время первой репетиции сказал, что ему плевать на результат, Крис ни на мгновение не засомневался в правдивости этих слов.

Ему было плевать не только на результат – на весь актерский кружок. На их старания, на любовь к театру, на пьесу, в которую они вкладывали столько сил. Это покорило даже его, несмотря на то, что он не был так предан актерству, как некоторые из ребят.

Но Теодор приятно его удивил. Кристофер замечал, что он действительно *пытался* стать лучше. Прислушивался к нему, запоминал и учитывал замечания, злился иногда, когда что-то не получалось, словно действительно хотел хорошо сыграть.

Вообще, когда они начали заниматься, Кристоферу вдруг показалось, что Теодор вовсе не такой плохой, каким старается казаться. Он не понимал, в чем причина, – как будто у того было раздвоение личности.

Рядом с Кристофером он все еще был наглым, острым на язык и темпераментным, но при этом ни разу не оскорбил его, не обидел, а если чувствовал, что шутками пересекает границу, принимал крайне виноватый вид и порой даже извинялся.

Однако каждый раз, когда в разговорах с друзьями затрагивался Теодор, они продолжали жаловаться на то, что тот не давал им просто пройти мимо – без подколов, подножек или подначиваний.

В любом случае, это было не его дело. Он не нанимался исправлять характер Теодора и не собирался портить их хрупкое перемирие нотациями. Ему было важно, чтобы Теодор хорошо сыграл и директор не прикрыл кружок после их представления, а с этой задачей, по своему скромному мнению, он справляется вполне неплохо.

Но окончательно убедиться в этом можно было только после репетиции, поэтому Кристофер немного волновался, когда шел после уроков в актовый зал. Все-таки он в каком-то смысле взял на себя ответственность за Теодора, и ему не хотелось подвести его. То есть, его и *ребят*. Особенно ребят. Конечно.

Войдя в зал, он нарочито медленно спустился к первым рядам, поздоровался со всеми, обнял запрыгавшего ему навстречу Марка и словно невзначай оглядел помещение.

– Теодор не пришел? – старательно скрывая разочарование, спросил он у мистера Уилсона.

Тот повернулся к нему, поправляя очки, и мягко улыбнулся, наверняка догадываясь о его чувствах.

– Еще три минуты до начала, – произнес он, успокаивающе хлопая Криса по плечу. – Он придет.

Кристофер слабо улыбнулся в ответ и кивнул. Сел на одно из кресел, полагая, что без Теодора репетиция не начнется, и попытался включиться в разговор Итана и Томаса, но сам то и дело оглядывался на дверь. Которая оставалась закрытой.

Потому что Теодор не пришел.

В конце концов ребята, и без того не особо благодушно настроенные, начали раздражаться, и это вылилось в обсуждения о том, какой Теодор ужасный. Кристофер поднялся с кресла и подошел к сцене, забираясь на край и усаживаясь. С этого места хорошо было видно дверь, и он буравил ее напряженным взглядом, стараясь не прислушиваться к разговорам, потому что они страшно злили.

Ему почему-то становилось обидно от острых слов, как будто они были адресованы ему лично. Да, Теодор вел себя отвратительно, но в пределах этого актового зала он не против них, а с ними, ведь они идут к общей цели. И они не знают, как он старался. Многие из них собирались серьезно заняться актерским мастерством после школы, многие занимались дополнительно, но для Теодора это все было в первый раз, а они ожидали от него таких же результатов, как друг от друга.

Их нельзя было в этом винить, конечно, нет. Они были на своей территории и впервые чувствовали себя сильнее Теодора, лучше его, – мало кто не воспользовался бы этой ситуацией. Но все же...

Все же Кристоферу почему-то не хотелось, чтобы его обижали.

И в тот момент, когда расстроенный мистер Уилсон уже поднялся, чтобы объявить начало репетиции без главного актера, дверь с грохотом распахнулась.

Теодор забежал внутрь, отвлекая Кристофера от мыслей, а остальных – от разговоров. Он торопливо извинился, закидывая рюкзак на одно из кресел, и убрал со лба влажные от пота волосы, переводя дыхание. Кристофер скатился со сцены, подавив громкий вздох облегчения, и Теодор быстро нашел его взглядом, с едва заметной улыбкой кивая ему, и он не мог не улыбнуться в ответ.

Но потом он наткнулся на чужие взгляды, и улыбка быстро сползла с его лица, глаза потемнели, стали недружелюбными.

– Ты вообще в курсе, что время иногда можно рассчитывать? – грубовато осведомился Остин.

– Почему мы вообще должны тебя ждать, – цокнула Лиззи, и мистер Уилсон поторопился вмешаться в ситуацию, пока Теодор не начал отвечать и не завязалась перепалка.

– Так, давайте не будем болтать. Джесс, Крис, Тео, поднимайтесь на сцену. Начнем, – громко объявил он, садясь в центральное кресло первого ряда.

– Я Теодор, – поправил его мимоходом Теодор, поднимаясь на сцену, но мистер Уилсон не обратил на него внимания, слишком обрадованный тем, что он вообще пришел.

За кулисами Кристофер легонько толкнул Теодора в бок.

– Где ты был?

– Нас на последнем уроке задержали, а потом я забежал пообедать, у меня после репетиции тренировка, – прошептал Теодор, и Кристофер понимающе хмыкнул, задумавшись над тем, что им стоило обменяться номерами, чтобы предупреждать о всяких форс-мажорах. Теодор немного поколебался, прежде чем неуверенно спросить: – Они сильно на меня злятся?

Кристофер удивился вопросу, но не показал этого. Только улыбнулся ободряюще.

– Нет, все в порядке. Не переживай.

Теодор кивнул.

– Я правда не хочу облажаться. Ненавижу, когда что-то не получается.

– Ты не облажаешься, – убедил его Кристофер, указывая на сцену. – Давай, твой выход.

По задумке мистера Уилсона, Крис играл роль друга Орфея, поэтому должен был выйти чуть позже. Он наблюдал из-за кулис за Теодором и Джесс, подмечая все недочеты первого, чтобы потом снова их разобрать уже с ним наедине. Он и сам не заметил, как вжился в роль репетитора.

Теодор играл неплохо. Хуже Джесс, но гораздо лучше, чем в первый раз. Его реплики пусть и не были такими же естественными, как у нее, но по крайней мере не звучали как простая читка текста, были наполнены хоть какими-то эмоциями – и это всего за четыре совместных занятия. Кристофер снова поймал себя на том, что гордится им.

Он вышел позже, играя свои реплики, и они закончили эту сцену, чтобы выслушать замечания мистера Уилсона.

В следующей сцене Теодору придется петь, а он ни разу не слышал его голос во время пения. Каждый раз, как они во время занятий подходили к песням, Теодор говорил, что сам прорепетирует их дома, а Кристофер и не настаивал.

– Ну как? – взволнованно спросил он, поглядывая то на Теодора, который старался казаться невозмутимым, хотя глаза у него беспокойно блеснули, и он с явным волнением ожидал вердикта, то на мистера Уилсона.

Учитель неверяще улыбнулся.

– Это... хорошо, – медленно, будто до сих пор находясь в прострации, произнес он. – Это и вправду хорошо. Продолжай в том же духе, Теодор, и твой Орфей станет легендарным!

Кристофер принял гордый вид, как будто похвалу отвесили лично ему, и бросил довольный взгляд на приосанившегося Теодора.

– Легендарным позором, – фыркнула Джесс рядом с ними, и Теодор заметно вздрогнул, поворачиваясь к ней. Он не производил впечатление человека, которого легко заставить врасплох словами, но эта фраза, казалось, сильно его задела.

Она только невозмутимо пожала плечами, рассматривая свои ногти, покрытые ярко-красным лаком.

– Я не намерена лебезить перед тобой, как учитель.

– Джессика! – возмущенно глотнув воздуха, одернул ее мистер Уилсон.

– Мистер Уилсон, но это же правда, – вставил свое слово Юта, зарабатывая гневный взгляд Кристофера, но никак на него не реагируя. – Теодор играет плохо. А ведь он занимается дополнительно с Крисом. Каковы шансы, что он станет намного лучше к концу месяца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.